

М. С. ЩЕПКИН И ТУРГЕНЕВ

Сообщение

Т. С. Грица

1

В мае 1846 г., направляясь на воды в Эмс, в Москве в гостинице «Дрезден» остановились Александра Владимировна и Александр Владимирович Станкевичи.

Первым их навестил Тургенев, почти вслед за ним пришел Щепкин, а затем Н. Х. Кетчер и Белинский. Разговор коснулся театра. Белинский говорил об игре Мочалова, часто обращаясь к Щепкину, «будто желая слышать от него подтверждение своим словам». Щепкин вспоминал, как уже в его время считалось неприличным говорить на сцене, особенно в стиховой драме, просто и непринужденно, пародийно изображал традиционный уход со сцены трагического актера с поднятой вверх рукой, и объяснял, что неестественные приемы декламации и чтения нараспев зародились в России «как подражание искусственной игре в классических драмах Расина и Корнеля на французской сцене»¹.

Это единственное дошедшее до нас достоверное свидетельство об одной из первых встреч Щепкина с Тургеневым. Произошла она не позже 12 мая, когда на сцене московского Большого театра состоялось второе выступление А. Е. Мартынова в роли Льва Гурыча Синичкина², на которое Щепкин пригласил Александру Владимировну Станкевич.

Вероятно, именно во время этой встречи Щепкин заинтересовал Тургенева своими мыслями о театре и уговорил его написать пьесу. Вскоре они надолго расстались. Щепкин с Белинским уехали на юг. Тургенев, пробыв лето в Спасском, осенью перебрался в Петербург, а в январе 1847 г. надолго уехал за границу.

2

В истории русского театра Щепкину принадлежит такая же роль, как Гоголю в литературе, Белинскому в критике и, позже, Федотову в живописи. На сцене он создал и развил эстетику критического реализма. Имя Щепкина тесно связано с «натуральной школой», родоначальником которой был Гоголь.

Одним из первых Щепкин понял, какую грандиозную, преобразующую роль суждено сыграть драматургии Гоголя в развитии русского сценического искусства. 8 января 1836 г. (т. е. еще до постановки «Ревизора») Щепкин говорил М. П. Погодину: «Комедии Гоголя должны сделать эпоху в истории театра русского и восстановить его»³.

Щепкин преобразился, получив от И. И. Сосницкого известие о постановке «Ревизора». «Я сделался здесь на сцене какою-то ходячею машиною или вечным дядею,— писал он 28 апреля 1836 г.,— я давно уже забыл, что такое комическая роль, и вдруг письмо дало новые надежды, и я живу

новой жизнью»⁴. В начале мая он писал Гоголю: «Благодарю вас от души за „Ревизора“ — не как за книгу, а как за комедию, которая, так сказать, осуществила все мои надежды, и я совершенно ожил. Давно уже я не чувствовал такой радости...»⁵

В Гоголе Щепкин нашел драматурга, который был наиболее близок его представлениям о новом театре жизненной правды. Щепкин считал, что созданный Гоголем сценический язык «страшно натурален и требует чуть ли не целой новой генерации актеров»⁶. Борясь против штампов классицизма, с его певучей декламацией, манерностью, декоративными позами и ходульными жестами, Щепкин утверждал на сцене простоту и естественность и считал, что задача художника-актера заключается «в полном олицетворении живой, действительной личности»⁷. Подобно Гоголю, Щепкин стремился к воспроизведению на сцене обыденной жизни, стремился «заинтересовать зрителей судьбою простого человека»⁸.

Для сценической эстетики Щепкина так же, как и для Гоголя, было характерно гротескное смешение комического и серьезного, смеха и слез. Анализируя игру Щепкина в водевиле Соважа и Делюрье «Матрос», Белинский писал, что «Щепкин принадлежит к числу немногих истинных жрецов сценического искусства, которые понимают, что артист не должен быть ни исключительно трагическим, ни исключительно комическим...»⁹. Это гоголевское свойство таланта Щепкина отмечают почти все его современники. «Особенностью его речи было то, что в ней всегда от пафоса до комизма один шаг», — вспоминал А. А. Стахович¹⁰. Щепкин «мастерски умеет сочетать комическое с трагическим», — писал рецензент «Московских ведомостей»¹¹. «В таланте М. С. Щепкина тесно сливались комические и драматические способности», — отмечал А. И. Урусов¹².

О характерном для новой реалистической эстетики разрушении традиционных границ между комическим и трагическим говорил и сам Щепкин. Делясь впечатлениями о встрече с ним в сентябре 1846 г. в Симферополе, А. Н. Серов писал Стасову, что Щепкин не разделяет, «как и мы, трагедию от драмы, драму от комедии: всё драма»¹³.

Щепкин был лучшим сценическим истолкователем образов Гоголя, назвавшего его «первым комическим актером». «Триумфы Щепкина — гоголевские характеры», — писал Серов и, развивая свою мысль, добавлял: «Я оттого считаю гоголевские характеры лучшими ролями Щепкина, что до сих пор я видел только его одного, совсем передающего Гоголя...»¹⁴.

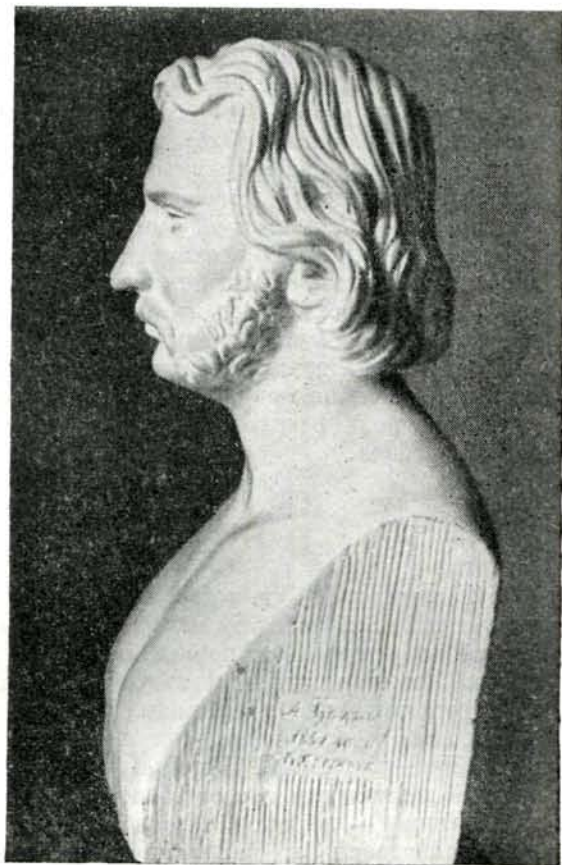
Как известно, Щепкин был инициатором публичных чтений. Одно из таких чтений, как мне удалось установить, Щепкин устроил 20 апреля 1846 г. в доме С. Ю. Самариной. Кроме «Старосветских помещиков» Гоголя, он прочел отрывок из напечатанной в «Петербургском сборнике» повести Достоевского «Бедные люди» и два стихотворения Некрасова — «В дороге» и «Пьяница». Этот выбор вызвал неприязненный отклик «Москвитянина»:

«В субботу было опять чтение в доме С. Ю. Самариной в пользу г-на Щепкина — в этот раз, с сожалением должны мы сказать, что вечер был не совсем удачен, невзирая на то, что слушателей было столько, сколько могла вместить зала. Михаил Семенович был, как говорится, не в ударе: первую пьесу Гоголя „Старосветские помещики“, прекрасную пьесу, исполненную жизни, естественности и чувства, прочел он так, как не привыкли мы слышать его. Одно письмо из „Бедных людей“ Достоевского прочтено им было лучше. Но зачем читал он его? Г-н Достоевский имеет неотъемлемые достоинства: глубокий взгляд, глубокое знание сердца человеческого, мастерскую кисть, и сцена Девушкина перед добрым начальником верна, слова нет! но дело не в одной верности только, дело в выборе того, что дагеротипировано; прекрасно нарисованная картина не всегда найдет себе приличное место на стене богатой гостиной. А что

ТУРГЕНЕВ

Бюст работы А. Н. Беляева
(гипс). Петербург, 1851

Музей И. С. Тургенева, Орел

за выбор стихов из того же „Петербургского сборника“! — Для кого из слушателей годится намек в стихотворении „В дороге“? В этом ли обществе прилично читать, и этому ли обществу слушать „Пьяницу“, с нравственным заключением:

Но мгла отвсюду черная
Навстречу бедняку...
Одна открыта торная
Дорога к кабаку!!!!

Жаль, право жаль! жаль не вечера, ибо он имел и достоинства свои, но жаль, что подобным выбором не возбуждается, не питается, не поддерживается едва рождающееся у нас желание ознакомиться с произведениями отечественными...»¹⁵.

Характерно, что автор статьи даже не пытался затушевать социальную подоплеку своего недоброжелательного отношения к Щепкину, которое имело и более глубокие причины.

Вторая половина 40-х годов — период наибольшей близости Щепкина с «натуральной школой» и кружком «Современника». 14/26 июня 1847 г. С. П. Шевырев с нескрываемым раздражением писал Гоголю: «Щепкин не решил собраться к тебе. Я его понукал. Он, как думаю, находится под разными влияниями издателей „Современника“, тебе не сочувствующих. В нем есть какая-то перемена не совсем в его пользу, как художника и как старика»¹⁶.

Естественным следствием творческой близости с кружком «Современника» и с реалистической эстетикой «натуральной школы» был интерес Щепкина к драматургии Тургенева, которого он уже знал по антикрепостническим «Запискам охотника» и по «Безденежью», окрашенному гоголевскими тонами. Этот интерес совпадает с характерным для Щепкина очередным репертуарным кризисом. «Занятие мое по службе сделалось мне несносно, даже отвратительно, потому что из артиста делают поденщика, — жалуется он сыну, Н. М. Щепкину, в письме от 26 августа 1848 г., — репертуар преотвратительный — не над чем отдохнуть душою, а вследствие этого память тупеет, воображение стынет, звуков недостает, язык не ворочается. Все это вместе разрушает меня, уничтожает меня, — и не видишь ни в чем отрады, не видишь ни одной роли, над чем бы можно было отдохнуть душе, что расшевелило бы мою старость. Да, я могу еще встрепенуться; но надо, чтобы это была роль и роль»¹⁷.

Такую роль Щепкин надеялся найти в комедии, которую писал для него Тургенев.

3

5/17 января 1848 г. в письме к Полине Виардо Тургенев между прочим упоминал: «...я работаю над комедией, предназначенной для одного московского актера». Это первое, дошедшее до нас свидетельство о «Нахлебнике». Летом работа над пьесой продолжалась, о чем сообщил Герцен 5 августа в письме из Парижа к московским друзьям¹⁸.

Щепкин с нетерпением ждал пьесу. 31 августа 1848 г. В. П. Боткин писал Герцену: «М. С. Щепкин просил меня напомнить Тургеневу об обещанной им комедии для его бенефиса. Но где теперь Тургенев? В Лондоне или Париже — не знаю. А воть ты можешь провести его жительство, и если проведешь, то непременно передай ему поручение Михайла Семеныча, да немедленно, не откладывая»¹⁹.

Однако, несмотря на просьбы поторопиться, Тургенев закончил «Нахлебника» только осенью. 27 октября/8 ноября он писал Щепкину: «Завтра отправляется в Россию наш соотечественник, г-н Селиванов, любезный и почтенный Михайло Семеныч; он вам доставит первый акт моей комедии „Нахлебник“; второй я не успел окончить переписыванием — но как только кончу, немедленно отправлю по почте, так что, может быть, вы получите его в одно время с первым. Прошу у вас извинение за долгое отлагательство; желаю, чтобы мой труд вам понравился. Если вы найдете достойным вашего таланта приняться за него — я другой награды не требую. Приятели, которым я здесь прочел мою комедию, — наговорили мне много любезностей по ее поводу; я, может быть, им оттого могу несколько верить, что вообще эти *приятели* довольно строго отзывались об моих трудах <Герцен? — Т. Г.>. Но как бы то ни было — лишь бы мой „Нахлебник“ вам понравился и вызвал бы вашу творческую деятельность!

Боюсь я — не опоздал ли я немного <...> — Впрочем — я отдаю вам свое произведение в полное распоряжение: делайте из него что хотите. Как бы я был рад, если б я мог присутствовать при первом представлении!»

Тургенев высоко ценил актерское мастерство Щепкина, которого он видел в роли Фамусова в начале 30-х годов²⁰.

Рассчитывая на постановку «Нахлебника» в бенефис Щепкина, Тургенев писал о роли Кузовкина: «Эта роль назначена Михайле Семенычу, след<овательно> мне прибавлять нечего: он из нее сделает, что захочет»²¹. Понятно, поэтому, с каким интересом он ждал отзыва Щепкина о комедии.

она еще в цензуре. В ней на сцене богатые помещики и мелкопоместные бедняки, над которыми первые потешаются, и тут-то выходит настоящая трагедия. Может быть, эта пьеса будет напечатана в „Современнике“»²².

Однако сюжет «Нахлебника» вызвал серьезные сомнения у Цензурного комитета, и Щепкину, несмотря на всю его настойчивость, не удалось получить разрешения на включение пьесы в бенефис.

27 января М. В. Станкевич писала П. Н. Грекову: «Скоро будет бенефис Щепкина; Тургенев прислал ему прекрасную пьесу, но ее так долго держат в цензуре, что он потерял уже надежду получить ее и готовит другие. Он читал нам эту комедию сам с большим чувством и даже расплакался. Пьеса называется „Нахлебник“. Старик говорит, что мы дадим ее на домашнем спектакле — и я спрашиваю себя: неужели роль Ольги дадут мне? Какое наслаждение. Какая честь была бы для меня выдержать это представление, вести такие сцены со Щепкиным и перед такою публикою»²³.

Между тем, Тургенев, не зная, что «Нахлебнику» грозит цензурное запрещение и что нельзя надеяться на близкую постановку, в письме от 7/19 января предлагал Краевскому напечатать комедию в «Отечественных записках»: «31-го числа января (т. е. через 24 дня) будет дана в Москве для бенефиса Щепкина моя комедия в 2-х актах под названием: „Нахлебник“. Хотите вы ее напечатать в „Отечественных записках“ — если она не шлепнется, разумеется. Я сегодня же пишу об этом Щепкину, который тотчас, по получении от вас письма — вам ее вышлет. <...> Если вы напечатаете „Нахлебника“, то велите поставить: „Посвящена Михайле Семеновичу Щепкину“».

Не добившись цензурного разрешения, Щепкин был вынужден отказаться от постановки «Нахлебника» в свой бенефис 31 января 1849 г. В отчете о бенефисном спектакле корреспондент «Современника» замечал: «Еще задолго до его праздника мы слышали, что он готовит оригинальную русскую драму одного из даровитейших современных писателей, — к сожалению, слух этот не оправдался»²⁴.

Получив от Тургенева письмо с просьбой послать «Нахлебника» в «Отечественные записки», Щепкин 8 февраля передал пьесу Боткину. Одновременно Щепкин получил письмо и от Некрасова, в котором тот просил прислать «Нахлебника» в «Современник». Боткин разрешил сомнения Щепкина, посоветовав «следовать письму самого автора».

Посылая комедию Краевскому, Боткин 9 февраля писал:

«Щепкин покорно просит об одном. Пьеса эта не запрещена еще формально театральной цензурой; но Щепкина уведомила дирекция, что об этом идет переписка, следовательно она к бенефису его и не могла успеть. После этого он ничего не знает о театральной судьбе ее. Итак, узнайте о ней.

А потом Щепкину хочется ее публично прочесть, но для этого она должна быть пропущена цензурой. И хочется ему прочесть постом. Следовательно нужно, чтоб она как можно скорее была представлена в цензуру. Итак, нельзя ли сделать, чтоб вы представили ее поскорее в цензуру и тотчас, если она будет пропущена, известили хотя меня, а я тотчас дам знать ему. <...> Сделайте для Щепкина, ради бога. Да поскорее в цензуру. Щепкин просит еще отпечатать отдельно 10 экземпляров»²⁵.

Хлопоты Щепкина и его друзей не помогли. Драматическая цензура, усмотрев в комедии Тургенева «оскорбление нравственности и дворянского сословия», не разрешила представление «Нахлебника» на московской сцене²⁶.

Не удалась и попытка напечатать пьесу. 22 февраля 1849 г. Петербургский цензурный комитет, рассмотрев текст комедии Тургенева, уже набранный для третьей книжки «Отечественных записок», признал ее

«совершенно безразличною и наполненною выходками против русских дворян, представляемых в презрительном виде, и потому положил: запретить оную и корректурные листы оставить при деле»²⁷.

Понимая, что «Нахлебник» еще долго не появится на сцене, Щепкин стал деятельно работать над постановкой его на домашнем спектакле. 20 февраля участникам были розданы роли. Первая репетиция была назначена на субботу 26 февраля.

В письме от 22 февраля М. В. Станкевич признавалась: «...прочитав свою (роль), я ужаснулась своего бессилия; дух-то бодр, телом же немощен; хорошо еще, что патетические сцены я веду с Михайлом Семеновичем; он воодушевит меня. Саша <А. В. Станкевич.— Т. Г.> будет играть старую злую дворничиху <кастеляншу Прасковью Ивановну.— Т. Г.> голосом Анны Цыганки. Старику Щепкину очень понравилось это лицо, и он посоветовал вывести его на сцену»²⁸.

Щепкин разучивал свою роль «с величайшим удовольствием и одушевлением»²⁹. О том, с каким увлечением отнесся Щепкин к этой постановке, свидетельствует и письмо А. Н. Афанасьева от 4 марта 1849 г.: «У Станкевичей готовится свой домашний спектакль; хотят сыграть не-пропущенную в печать комедию Тургенева „Нахлебник“. Старик Щепкин взялся сыграть самого Нахлебника (Кузовкина); другие роли разошлись между многочисленными его родственниками. Раза два уже были репетиции; идет недурно. Щепкин всех учит, всем советует, и суетится, и сердится. А как хорош он сам в своей роли, несмотря на то, что автор заставил его говорить такой длинный монолог, что им можно подавиться, несмотря даже на то, что самая завязка комедии отзывается сочинением, придуманностию»³⁰.

О домашней постановке запрещенной комедии Тургенева знал и Боткин, который отнесся к ней довольно холодно. «У Щепкина будет сыгран „Нахлебник“ в доме,— писал он 10 марта 1849 г. П. В. Анненкову.— Теперь репетиции идут. Думаю, что все роли, кроме Щепкина, будут исполнены дурно»³¹.

В середине марта тяжело заболела жена Щепкина — Елена Дмитриевна, и работа над постановкой комедии была приостановлена.

«...я писала уже вам, что мы собирались давать „Нахлебника“ и уже сделали репетиций восемь.— Но увьи! Ему кажется не суждено явиться на свет! — с огорчением сообщала М. В. Станкевич 28 марта И. В. Станкевичу.— Он оставлен по случаю тяжкой болезни Елены Дмитриевны; теперь непосредственная близость смерти миновалась, но ей никак нельзя надеяться долго жить. Если ей все будет становиться лучше, то и „Нахлебник“ может воскреснуть.— Саничкина <А. В. Станкевича.— Т. Г.> игра очень правится всем, и М(ихайла) Семеныч им очень доволен. Остальные актеры только что посредственны и более портят, чем не портят пьесы. Моя роль <Ольги Петровны Елецкой.— Т. Г.> очень трудна. Я постараюсь переписать „Нахлебника“ и прислать вам „Нахлебника“ прочесть <...> Он не будет напечатан; цензура гласит так: хотя во всей пьесе нельзя ни к одному слову придаться, но в ней есть нечто неуловимое, какой-то дух, которого нельзя пропустить...»³².

Прошел еще месяц, и окончательно выяснилось, что «Нахлебнику» не суждено появиться на домашней сцене. 2 мая М. В. Станкевич писала Грекову: «...наш спектакль не состоялся за болезнь Елены Дмитриевны. Теперь ей хотя и лучше, но все позабыли роли и вообще расстроились; к тому же Саничка скоро уезжает, а без него некому играть помещика <Елецкого.— Т. Г.>, да и у меня, глядя на здешних актеров, пропала охота»³³.

Еще не зная о печальной судьбе «Нахлебника», Тургенев 28 января/9 февраля 1849 г. начал работать над новой комедией. Предназначалась она опять-таки для будущего бенефиса Щепкина. Через сорок дней комедия в трех актах под названием «Холостяк» была закончена, и 1/13 апреля переписанный экземпляр ее «в двух толстейших пакетах» Тургенев отправил Щепкину. «В этом произведении цензуре не только нечего вычеркивать — но, напротив, она должна меня наградить за мою примерную нравственность», — иронически замечал Тургенев в письме к Краевскому (2/14 апреля 1849 г.).

Новую комедию он собирался опубликовать в «Отечественных записках», но только после постановки ее на сцене. Однако в начале мая Тургенев получил от Щепкина письмо, в котором тот заявлял, что «нисколько не противится напечатанию комедии *до* бенефиса» и «что оно, напротив, выгоднее, если комедия хороша»³⁴. 16 июня Боткин послал рукопись «Холостяка» в редакцию «Отечественных записок». В сентябрьском номере этого журнала комедия была напечатана. Летом того же года Тургенев закончил одноактную комедию «Завтрак у предводителя» и также послал ее Щепкину.

Между тем запрещение «Нахлебника», этой «пьесы с причиной», по отзыву Гоголя, только усилило интерес к ней среди демократических кругов. Она читалась на собраниях петрашевцев, наряду с письмом Белинского к Гоголю и зарубежными статьями Искандера-Герцена³⁵. Возможно, что этому способствовал и Щепкин, который встречался с поэтом-петрашевцем А. Н. Плещеевым в марте 1849 года³⁶.

Цензурные мытарства «Нахлебника» не обескуражили Щепкина. Он все еще не терял надежды поставить его на сцене. Приехав 5 сентября на гастроли в Петербург³⁷, Щепкин передал Некрасову для опубликования в десятой книжке «Современника» — «Завтрак у предводителя»³⁸ и снова начал хлопотать о разрешении «Нахлебника». «Приезд Михаила Семеновича оживил нас всех, — писал Н. Н. Тютчев 24 сентября Н. М. Щепкину. — Пропустили „Холостяка“ и надеются на пропуск „Нахлебника“. Нужно видеть, в какой восторг это бросает вашего старика»³⁹.

Однако попытка добиться разрешения «Нахлебника» и на этот раз не увенчалась успехом. Цензор А. М. Гедеонов в своем рапорте писал, что шесца Тургенева «равно оскорбляет и нравственность и дворянское сословие». 10 сентября 1849 г. начальник III Отделения Л. В. Дубельт полностью поддержал эту оценку (IX, 554—555), а 16 сентября директор императорских театров запретил к представлению комедию «Нахлебник»⁴⁰.

Но и вторичное запрещение комедии не расхолодило Щепкина. «Подаренный ему автором „Нахлебник“ сделался с тех пор предметом его дум, тайных его желаний и явных домогательств, которые не прекращались все время, когда он находился под запрещением», — вспоминал Анненков⁴¹.

Во время своих петербургских гастролей осенью 1849 г. Щепкин неоднократно читал «Нахлебника» «отдельным лицам и на домашних вечерах». Приблизительно в конце октября он «мастерски» прочел «Нахлебника» А. А. Стаховичу⁴². 3 ноября он читал запрещенную комедию у Одоевских, которые, по свидетельству присутствовавшего на вечере П. А. Плетнева, «собрали весь beau monde»⁴³. О другом таком же вечере упоминает Тургенев в письме к Краевскому от 1/13 декабря: «На днях я прочел в одном письме гр. Виельгорского (Матвея) весьма большие похвалы моему „Нахлебнику“, которого в одном обществе прочел Щепкин».

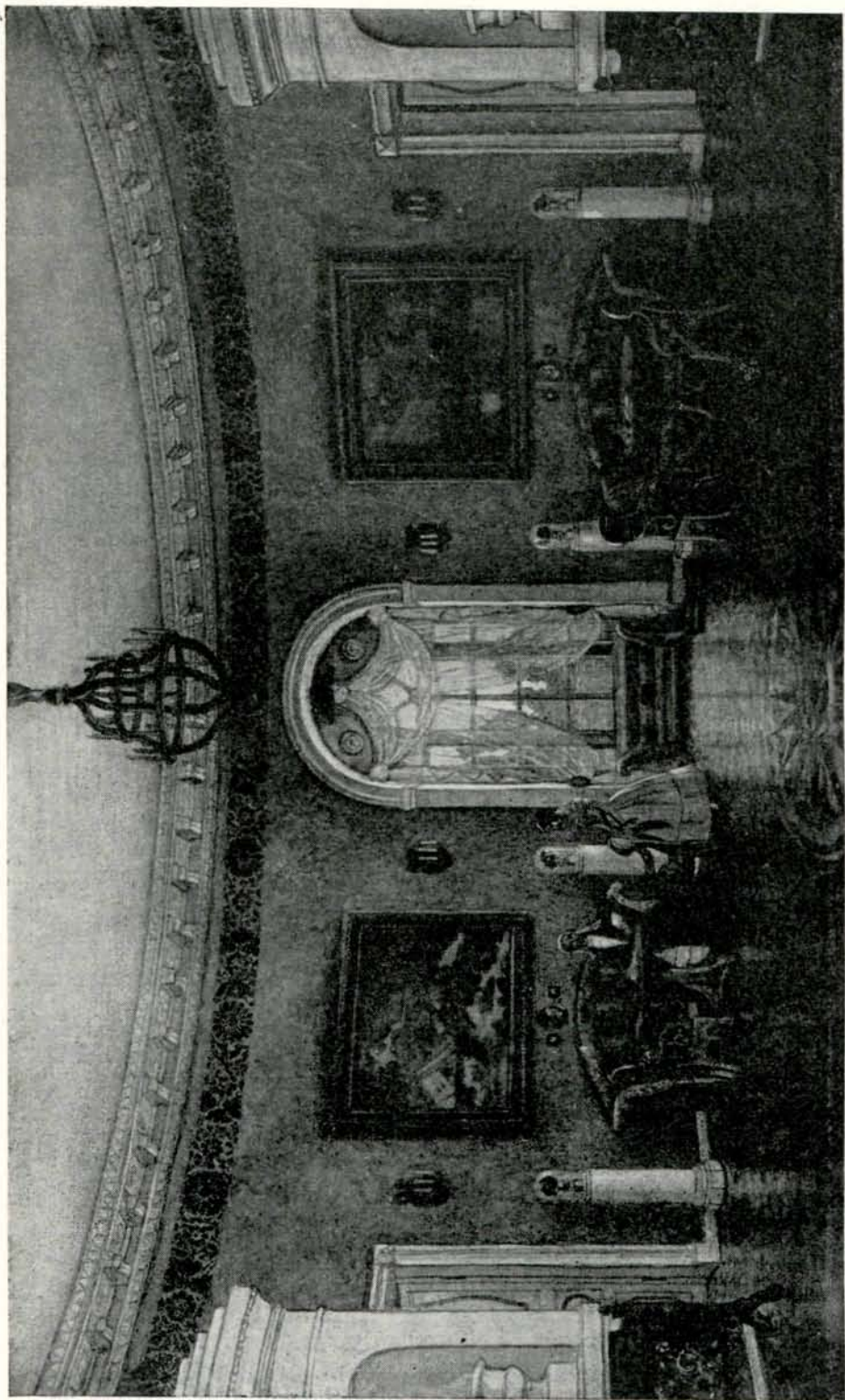
живущий честным трудом, не осмеян, не отмечен грязными чертами», и что «под наружностью комедии в ней скрыта серьезная драма, какую зоркий наблюдатель увидит не в одном чиновничьем мире, а в целом обществе».

С одобрением отзывался Чуйко и об игре актеров, особенно о Щепкине: «„Холостяк“ вообще был разыгран весьма удовлетворительно, с большим согласием, и почти все актеры поняли его как вещь серьезную. Так оно и должно быть со всякою порядочною комедиею. М. С. Щепкин создал лицо Мошкина с необыкновенною простотою. Вы забываете, что он перед вами на сцене: его замешательство в минуту прихода Фонка, беспокойство, с каким он является к Вилицкому, потом сцена, когда получает письмо и хочет стреляться, наконец, объяснение с Машей — во всех этих сценах было так много простоты и истинного одушевления, так много серьезности под наружностью странною и оригинальною, что нельзя было не сознаться: как много высокий комик должен иметь ума и таланта. Амплуа чисто драматическое никогда не ставит наружности актера в такое противоречие с характером внутренних его движений. Комик каждое лицо своего репертуара должен отметить особою физиономиею, особыми жестами и приемами. Сохранить все эти оригинальные черты, в минуту положений спокойных и комических — легко. Не сохранить их и в состоянии взволнованном, как и спокойном — тому, для кого они кровь и плоть — невозможно. Но не изменить все такие смешные черты, занятые у других, не изменить в ту минуту, когда вы должны выразить чувство глубокодраматическое, и, напротив, выразить его именно во всех этих угловатых приемах и жестах, словом, во всей наружности оригинала, — это чрезвычайно трудно»⁴⁹.

Ф. А. Кони писал, что Щепкин в роли Мошкина был «неподражаемо хорош»⁵⁰.

Присутствовавший на спектакле Некрасов расценил его как выдающееся событие театральной жизни.

«Четырнадцатого октября происходил в Александрыном театре спектакль, выходящий из ряда обыкновенных: шел бенефис одного из любимейших артистов как московской, так и петербургской публики — М. С. Щепкина, и в бенефис этот давалась в первый раз новая русская комедия „Холостяк“, соч. И. С. Тургенева»⁵¹. Остановившись на «сценической стороне комедии», Некрасов отметил ряд ее недостатков: растянута, длиннота сцены со слугой в первом и втором актах, напоминающие сцены с Осипом в «Ревизоре», тривиальные фамилии, в устах актеров производящие впечатление «избитой манеры остроумия». В этих недостатках Некрасов видел причину того, что «Холостяк» не имел «полного и блестящего успеха, которого заслуживал по драматическому содержанию своему и по прекрасному его развитию». Несмотря на это, «публика с явным интересом и удовольствием следила за ходом пьесы, и все хорошее было замечено и одобрено громкими рукоплесканиями; жаркие толки и споры о новой комедии можно было слышать в партере и в коридорах театра по окончании пьесы, каких не услышите после десятка новых самых эффектных французских водевилей. Ясно, что сочувствие к русской комедии в публике существует: явись настоящая русская комедия — и не увидишь, как полетят со сцены, чтоб уже никогда не возвратиться, жалкие переделки и подражания, бесцветные и безличные, натянутые фарсы, и т. п.». Особенно порадовало Некрасова «сочувствие к русской комедии» со стороны актеров. «Ни тени той самоуверенной небрежности, которая встречается при исполнении фарсов и водевилей, не заметили мы при исполнении „Холостяка“». Артисты видимо принялись за дело с уважением, подобающим русской комедии, и исполнили его превосходно».

«МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ» НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА, 1909

Эскиз декорации. Акварель М. В. Добушинского

Третьяковская галерея, Москва

Дав яркую характеристику игры Максимова, Мартынова, Каратыгина, Самойловой и Линской, Некрасов останавливался на роли Мошкина, которая «как ни трудна она, совершенно по силам и в духе таланта Щепкина. Весь третий акт с самого того места, где начинаются опасения старика за участь своей воспитанницы, был торжеством Щепкина... Рукоплескания не умолкали, и этот акт, отдельно взятый, имел огромный успех»⁵². Статью Некрасов закончил «благодарностью бенефицианту за то, что он подарил публику в свой бенефис новой русской комедией».

С таким же успехом во время своих петербургских гастролей 1849 г. Щепкин исполнял роль Мошкина еще три раза — 17, 20 и 31 октября⁵³.

6

Вернувшись в Москву, Щепкин приступил к работе над новой пьесой Тургенева — «Завтрак у предводителя». До недавнего времени считалось, что эта комедия была впервые поставлена в Петербурге на сцене Александринского театра в бенефис П. А. Каратыгина 9 декабря 1849 г.⁵⁴ На самом деле «Завтрак у предводителя» впервые был поставлен в Москве.

Уже 19 ноября в «Московских ведомостях» появилось объявление о том, что в Большом театре «в пользу актеров гг. Самарина и Живокини» будет дана в первый раз оригинальная комедия в одном действии «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ».

22 ноября в «Московских ведомостях» была напечатана анонимная заметка — «Театральная новость» — о предстоящем бенефисе, в которой дана была характеристика «Завтрака у предводителя» и перечислялись актеры, занятые в спектакле:

«Комедия — „Завтрак у предводителя“ — плод даровитого пера одного из любимейших наших литераторов, желающего остаться неизвестным; мы читали эту пьесу и были приведены в удивление глубокой наблюдательностью, дивным комизмом и поразительной истиной характеров; читаешь — смешно и грустно; прочтешь — задумаешься и почувствуешь на сердце что-то невыразимо приятное; но во сколько же должен увеличиться интерес комедии, когда она будет разыграна такими артистами, как г-жа Сабурова, гг. Щепкин, Никифоров, Немчинов, Садовский, П. Степанов и Живокини 1-й».

Недавно найденная и опубликованная В. А. Маслихом монтировка комедии дает подробные и интересные сведения о распределении ролей, костюмах, декорациях и бутафории. Монтировка была представлена в контору московских театров режиссером Акимовым 19 ноября⁵⁵.

Премьера «Завтрака у предводителя» состоялась 23 ноября в Большом театре⁵⁶. Щепкин играл роль предводителя Николая Ивановича Балагалаева «в плафрокке, потом во фраке». И. М. Немчинов играл Пехтерьева, П. Г. Степанов — Суслова, П. М. Садовский — Беспандина, В. И. Живокини — Алупкина, А. Т. Сабурова — Каурову. Московская постановка этой комедии не вызвала сочувственных откликов в печати⁵⁷, однако была дана во второй раз на сцене Большого театра 28 ноября⁵⁸. В Малом театре «Завтрак у предводителя» был поставлен 1 января 1850 г.⁵⁹

Двухкратное запрещение печатать комедию как в «Современнике», так и в «Отечественных записках» печально сказалось на ее сценической судьбе. «Завтрак у предводителя» надолго выпал из репертуара московских театров. Лишь в 1856 г., после смерти Николая I, в связи с изменившейся политической обстановкой, «Завтрак у предводителя» был освобожден от запрета и напечатан в восьмой книжке «Современника».

7 января 1857 г. в бенефис Шумского комедия была возобновлена на сцене Малого театра⁶⁰, где шла еще 10 и 16 января и 4 февраля. Однако сведения об участии в этих спектаклях Щепкина до нас не дошли.

7

25 января 1850 г. в Большом театре состоялся бенефис Щепкина. Кроме комедии в двух действиях Анца «Богатая старушка и родственники ее», в которой Щепкин играл роль отставного брандмейстера Чаркина, в первый раз на московской сцене шла комедия в трех действиях «Холостяк» с бенефициантом в роли Мошкина⁶¹.

Управляющий конторой московских театров А. Н. Верстовский порицал Щепкина за выбор основной комедии для бенефиса.

«Бенефис Щепкина вчерашнего числа не обогатил репертуара новыми интересными пьесами,— писал он 26 января Геденову.— Главной пьесой его спектакля была комедия в трех действиях „Холостяк“, скучнее которой давно не видали». Изложив вкратце сюжет пьесы, Верстовский замечал: «...и для одного акта действия немного, а в трех растянуто вводными неинтересными лицами... У Щепкина при всей его опытности на сцене ошибочный взгляд на драматические достоинства пьес... Он пьесы свои превозносит до небес, а они долее двух или трех раз повторения не доходили»⁶².

Не понравился «Холостяк» и М. В. Станкевич: «Бенефис Михайла С(еменовича) вышел не так удачен — „Холостяк“ Тургенева — скучная пьеса. Большая старушка, за которую ухаживают родственники,— большая понравилась публике»,— писала она 27 января И. В. Станкевичу⁶³. И только в «Современнике» игра Щепкина в роли Мошкина вызвала сочувственный отклик: «Даровитый артист превосходно создал роль старика Мошкина. Щепкин заставил нас полюбить этого человека и сочувствовать ему даже в этой слабой, эксцентрической стороне его характера. Словом, Щепкин создал перед нами живую личность Мошкина»⁶⁴.

Со Щепкиным в роли Мошкина комедия Тургенева была повторена уже на сцене Малого театра, 6 февраля⁶⁵.

В конце апреля Щепкин и В. И. Живокини поехали на гастроли в провинцию. Несмотря на резко отрицательное отношение московского театрального начальства, Щепкин в свой бенефис в Воронеже вновь поставил «Холостяка». Он, как и прежде, играл роль Мошкина, Живокини играл Шпундыка, а Ленская — Машу. Спектакль состоялся 9 мая 1850 г.

И пьеса Тургенева и, особенно, проникновенная игра Щепкина были восторженно приняты зрителями: «Бенефициант представил нам Мошкина в натуре: его замешательство перед Фонком было так натурально, что необходимо должно было возбудить сочувствие в зрителях <...> Отчаяние его, когда он получает отказ Вилицкого, было исполнено истинного глубокого одушевления: здесь перед глазами зрителя разыгрывалась драма, в которой на сцену выступили страсти; не было крови и убийства в этой драме, но зато неподдельный, истинный драматизм таился в положениях Мошкина и Маши. Сцена его с бедною, покинутою девушкою, когда он убеждает ее не оставлять его, была в совершенстве выдержана г-м Щепкиным; здесь автор „Холостяка“ и талантливый исполнитель его показали, что можно тронуть зрителя и без трескучих фраз и без блестящей драпировки героя, который на этот раз был самым обыкновенным человеком. Восторг старого холостяка, когда Маша соглашается быть его женою, снял точно камень с сердца зрителя, который уже начинал душою сочувствовать страданиям Мошкина; в этой радости было так много искреннего, неподдельного чувства, что публика забыла, что видит перед собою актера... Вообще должно заметить, что роль Мошкина создана собственно для Щепкина; другой актер, менее талантливый, не даст такой верной идеи об этом характере, при исполнении которого необходимы естественность и близость к натуре»⁶⁶. Успех Щепкина в роли Мошкина был так велик, что, несмотря на ограниченный круг зрителей в провинциальном театре, 26 мая «Холостяк» был снова поставлен в Воронеже.

По словам рецензента, «в этот вечер М. С. Щепкин превзошел самого себя и передал роль свою так отчетливо и с таким неподдельным чувством, что вызвал слезы у большей части зрителей... Когда опустили занавес, то весь театр слился в общих единодушных вызовах Щепкина и Ленской»⁶⁷.

Продолжая свои гастроли, Живокини и Щепкин в середине лета прибыли в Одессу. Наряду с другими вещами своего репертуара, Щепкин поставил в конце июля на одесской сцене и «Холостяка»: «... приятно было отдохнуть за этой пьесой после разных переделок с французского, которыми преимущественно питаются русские театры», — замечал театральный рецензент⁶⁸.

8

Приехав из-за границы летом 1850 г. и узнав от петербургских друзей, с какой горячностью и настойчивостью отстаивал Щепкин «Нахлебника», Тургенев испытывал к нему естественное чувство благодарности. В конце сентября Тургенев пробыл два дня в Москве, однако Щепкин еще не вернулся из гастрольной поездки, и встретиться им не удалось.

18 октября, посылая сыну актера Н. М. Щепкину пятиактную комедию «Две женщины» (впоследствии названную «Месяц в деревне») для альманаха «Комета», Тургенев писал: «Я бы почел себя счастливым, если бы как-нибудь мог доказать мою искреннюю благодарность и привязанность Михайле Семеновичу. Вы не поверите, как мне было жаль, что его не было в Москве во время моего приезда, а мне никак нельзя было остаться долее. Надеюсь увидеть его около Нового года и лично поблагодарить его за его расположение ко мне».

Тем же теплым чувством проникнуто и письмо от 3 ноября: «Что же касается до изменений цензурных — то даю вашему батюшке и вам полное право изменить и выкинуть всё, что угодно — не считая нужным советоваться со мною <...> Скажите, пожалуйста, от меня Михайле Семенычу, что я ничего так нетерпеливо не желаю, как удовольствия обнять его и поблагодарить за расположение ко мне. Первый мой выезд в Москве будет к нему. Желаю ему всяких благ и здоровья».

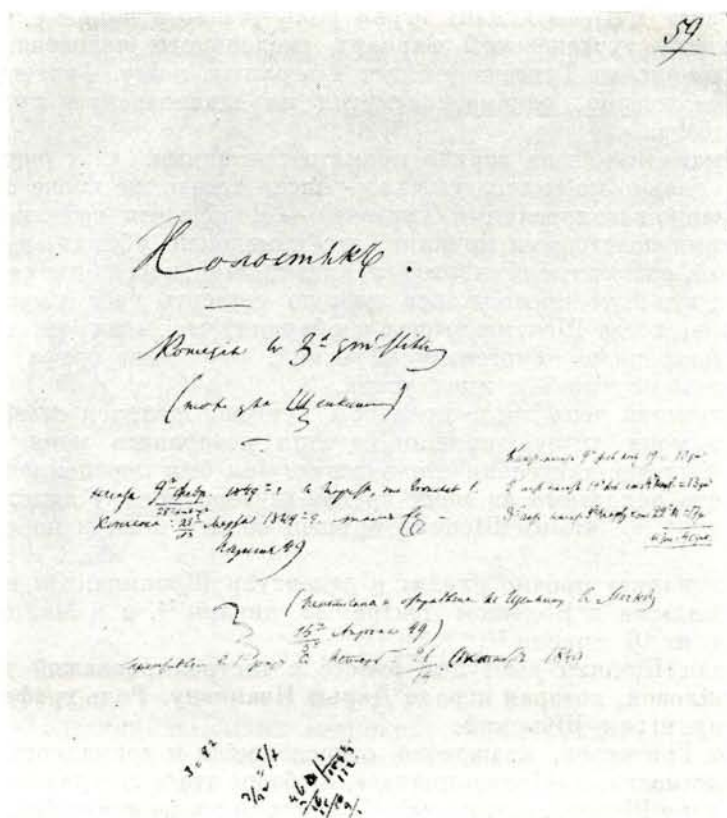
Встреча состоялась в ноябре, когда Тургенев вновь приехал в Москву. «Здесь все принимают меня с распростертыми объятиями, особенно милейший папаша Щепкин. Я не могу много бывать в гостях; тем не менее за неделю моего пребывания здесь я уже был два или три раза у него», — пишет он 28 ноября/10 декабря Полине Виардо. О частых встречах со Щепкиным Тургенев упоминает и в письме от 1/13 декабря: «Виджусь с немногими; прежде всего с графиней Салиас, с Щепкиным и его сыном».

В начале декабря Тургенев читает Щепкину «свою последнюю маленькую комедию» — «Провинциалку»⁶⁹.

В связи с приездом автора Щепкин добивается возобновления на московской сцене «Холостяка». После десятидневного перерыва комедия была поставлена в Малом театре 6 декабря 1850 г.⁷⁰

«Мне кажется, что я буду бояться: второй акт холоден, как лед», — признавался Тургенев накануне Полине Виардо. Приглашенный Щепкиным, он сидел в ложе, «скрытый от публики», и с волнением следил за спектаклем.

Опасения Тургенева не оправдались. Публика приняла комедию «очень горячо; особенно третий акт имел чрезвычайно большой успех», — делился он своими впечатлениями о спектакле с Виардо 20/8 декабря. — Щепкин был великолепен, полон правды, вдохновения и чуткости; его вызвали один раз после второго акта, два раза в течение третьего и два раза после него». Ободренный успехом, Тургенев добавлял: «Опыт этот

«ХОЛОСТЯК». ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

Черновой автограф, 1849. Титульный лист с пометой автора: «Тоже для Щепкина». Ниже: даты начала и окончания работы над комедией (февраль — март 1849 г.), отправки списка ее М. С. Щепкину (15/3 апреля 1849 г.) и первого представления в Петербурге (26/14 октября 1849 г.).

Центральный архив литературы и искусства, Москва

показал мне, что у меня есть призвание к театру и что со временем я смогу писать хорошие вещи».

Успех «Холостяка» еще сильнее сблизил Щепкина с Тургеневым. Они часто встречаются. 9 декабря, т. е. через три дня после спектакля, Щепкин утром навестил писателя: «...мы много болтали, — писал Тургенев Полине Виардо. — Его приход доставил мне удовольствие, но он украл у меня одну страницу письма к вам».

9

Комедию в одном действии «Провинциалка» Тургенев написал для петербургских актеров, но Щепкин «выпросил» ее для своего бенефиса. «Я не могу ни в чем отказать этому прекрасному, достойному человеку», — признавался Тургенев в письме к Виардо 17/29 января 1851 г.

Бенефис Щепкина состоялся 18 января 1851 г. в Большом театре. Кроме комедии Мольера «Жорж Данден», оперетки «Учитель и мельничиха, воспитание и природа», шуток-водевиля «Дагеротип, или Знакомые все лица», в первый раз шла «Провинциалка», «комедия в 1 действии, соч.

И. Тургенева»⁷¹. Бенефициант играл роль уездного чиновника Ступендьева — новый тургеневский вариант «маленького человека».

Щепкин прислал Тургеневу билет в верхнюю ложу. Тургенев чувствовал себя скверно, однако, несмотря на «дьявольскую лихорадку», пошел в театр.

«Провинциалка» была горячо принята зрителями. «...я ожидал чего угодно, но только не такого успеха, — писал тотчас же после спектакля Полине Виардо взволнованный Тургенев. — Вообразите себе, меня вызывали с такими неистовыми криками, что я наконец убежал, совершенно растерянный, словно тысячи чертей гнались за мной, и мой брат сейчас рассказал мне, что шум продолжался добрую четверть часа и прекратился только тогда, когда Щепкин вышел и объявил, что меня нет в театре». Особенно понравился Тургеневу Шумский, игравший графа Любина. Он «был очарователен» и имел успех.

На следующий день после премьеры Тургенев делился своей удачей: «Несколько моих друзей пришли сегодня поздравить меня; говорят, успех мой был действительно очень велик; зал был переполнен, и было замечено, что некоторые из моих врагов (литературных) аплодировали, не щадя сил <...> Милый Щепкин пришел обнять меня и побранить за бегство».

«Провинциалка» прочно входит в репертуар Щепкина. Он исполняет роль Ступендьева в Большом театре 23 января⁷², а в Малом театре 16 февраля и 18 апреля⁷³.

18 апреля Щепкин выступал вместе с гастролировавшей в Москве В. В. Самойловой, которая играла Дарью Ивановну. Роль графа Любина по-прежнему играл Шумский.

Аполлон Григорьев, враждебно относившийся к драматургии Тургенева и, в частности, к «Провинциалке», в обзоре этого спектакля противопоставлял игру Шумского, который «был в роли графа истинным, высоким художником», игре Щепкина. «Не таков был М. С. Щепкин в роли Ступендьева, которому нельзя не пожелать больше спокойствия: странно было видеть, как он *забегался*, подобно мальчику, перед прибытием графа, как он *испугался*, подобно пойманному преступнику, заставши его на коленях перед женою! Как он кричал и умолял! Но, разумеется, у него, как великого таланта, многие места были выражены прекрасно, например когда он оставался один и рассуждал, идти ли ему в сад за женою, как разговаривал с ними»⁷⁴.

С В. В. Самойловой в роли Дарьи Ивановны Щепкин выступил еще два раза: 3 мая в Малом театре⁷⁵ и на «последнем представлении, перед отъездом ее из Москвы» 15 мая в Большом театре. В кратком отчете об этом спектакле рецензент отдавал должное игре Щепкина: «Роль г-на Щепкина второстепенная в „Провинциалке“; но кто видел ее, тот согласится, что г-н Щепкин со свойственным ему талантом поставил ее наряду с первыми, по крайней мере, сделал равно прекрасною, равно занимательною: он сделал ее выше и лучше, чем она есть на самом деле»⁷⁶.

16 августа Щепкин снова выступил в роли Ступендьева — на сцене Малого театра⁷⁷ (в этой роли он и потом выступал неоднократно).

Приехав в Москву 20 октября 1851 г., Тургенев в тот же день, вместе со Щепкиным, посетил Гоголя.

По воспоминаниям Тургенева, он и Щепкин приехали на Никитский бульвар (дом Талызина) «в час пополудни» и немедленно были приняты Гоголем, который стоял «перед конторкой с пером в руке»⁷⁸.

«ХОЛОСТЯКЪ» НА СЦЕНЕ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА, 1903

Гравюра неизвестного художника

«Театр и искусство», 31 августа 1903 г., № 36

Знакомство состоялось. Гоголь в «страшном беспокойстве» говорил, что Герцен оскорбляет его «своими выходками в иностранных журналах», имея в виду брошюру «О развитии революционных идей в России». В ней Герцен раскрывал реакционный смысл «Выбранных мест из переписки с друзьями» и обвинял Гоголя в отступничестве от прежних идей. Гоголь пытался оправдываться, но в конце разговора вынужден был признать: «... я во многом раскаиваюсь, что послушался друзей, меня окружавших, и если б можно было воротить сказанное, я сжег бы и уничтожил свою „Переписку с друзьями“»⁷⁹.

Об этой знаменательной встрече Тургенев рассказал в «Литературных и житейских воспоминаниях» (X, 315—319). Известен также рассказ Щепкина о знакомстве Тургенева и Гоголя, записанный П. А. Кулишом⁸⁰.

Мною обнаружен еще один неопубликованный вариант этого рассказа, записанный со слов Щепкина в августе 1862 г. другом актера этнографом А. Н. Афанасьевым: «При первом свидании Тургенева с Гоголем, этот последний жаловался: „За что на меня нападает Герцен? Что я ему сделал? За что марают меня перед потомством?“ — „Вы были для него идеалом писателя, указывающего недостатки русского правительства, и вдруг когда издали вы вашу „Переписку“ — это убеждение разом рассыпалось, и потому он д^олжен б^ыл так же резко напасть на вас, как прежде высоко ставил“. — „Да я вовсе не хотел нападать на правительство, напротив, я хотел показать, что Россия вовсе не такова, как ее знают министры; зная, что меня обвиняют в каких-то либеральных неприязненных к правительству намерениях, я и решился написать все это, но я сам ^{понял?}, что сделал не так. Меня друзья подтолкнули издать эту книгу, и я теперь бог знает что отдал, чтоб этой книги не было“»⁸¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Воспоминания А. В. Щепкиной. Сергиев Посад, 1915, стр. 127—128, 228.
- ² «Московские ведомости», 1846, № 57, 11 мая.
- ³ Дневник М. П. Погодина. — ЛБ, Пог. I 32, л. 130 об. См. также мою заметку «М. Щепкин о пьесах Гоголя». — «Литературная газета», 1959, № 39, 31 марта. — Н. П. Барсуков, процитировав отрывок из записи Погодина, ошибочно приписал ему рассказывание Щепкина («Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 4. СПб., 1891, стр. 335).
- ⁴ Сб. «Михаил Семенович Щепкин. 1788—1863 гг.» СПб., 1914, стр. 161.
- ⁵ Там же, стр. 169.
- ⁶ «Русская старина», 1877, № 3, стр. 528.
- ⁷ В. Н. Смирнов. Проезд через Орел М. С. Щепкина. — «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров», 1842, кн. 12, отдел Театральная хроника, стр. 27.
- ⁸ Александринский театр. — Белинский, т. VIII, стр. 533.
- ⁹ «Русский театр в Петербурге». — Белинский, т. VIII, стр. 333.
- ¹⁰ А. А. Стахович. Ключки воспоминаний. М., 1904, стр. 52.
- ¹¹ «Предстоящий бенефис М. С. Щепкина». — «Литературный отдел „Московских ведомостей“», 1857, № 3, 5 января, стр. 13.
- ¹² Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, литературе и об искусстве, т. I. М., 1907, стр. 141.
- ¹³ «Русская старина», 1877, № 3, стр. 527—528.
- ¹⁴ Там же, стр. 527.
- ¹⁵ М. Ж. <В. В. Львов.> Жизнь в Москве в апреле 1846 года. — «Москвитянин», 1846, № 5, стр. 242—243.
- ¹⁶ Письма С. П. Шевырева к Н. В. Гоголю. — «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 г.» СПб., 1896, прилож., стр. 51.
- ¹⁷ Сб. «Михаил Семенович Щепкин». СПб., 1914, стр. 181.
- ¹⁸ Герцен АН, т. XXIII, стр. 90.
- ¹⁹ «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 44.
- ²⁰ Об этом Тургенев писал в повести «Несчастная» (1863): «На следующий день мы с Фустовым собрались идти в театр, смотреть Щепкина в „Горе от ума“. Комедию Грибоедова только что разрешили тогда, предварительно обезобразив ее цензурными урезками. Мы много хлопали Фамусову, Скалозубу». Как известно, «Горе от ума» с Щепкиным в роли Фамусова и Орловым в роли Скалозуба на московской сцене было впервые показано 27 ноября 1831 г.
- ²¹ Первая редакция пьесы. — Тург АН. Сочинения, т. II, стр. 331.
- ²² «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 720. Письмо здесь ошибочно датировано 11 декабря. Оригинал в ЛБ. М., 8421/36.
- ²³ ГИМ, ф. 351, ед. хр. 92, л. 31 и 31 об. (письмо начато 25 января).
- ²⁴ «Письмо из Москвы о Москве». — «Современник», 1849, № 4, отд. Смесь, стр. 191.
- ²⁵ Письма В. Г. Белинского и В. П. Боткина к А. А. Краевскому. — «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 год». СПб., 1893, прилож., стр. 94—95. — В письме от 10 февраля Боткин повторяет просьбу Щепкина поскорее передать комедию в цензуру.
- ²⁶ Н. В. Дризен. Драматическая цензура двух эпох. Пб., 1917, стр. 77.
- ²⁷ Ю. Г. Оксман. И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. 1. Одесса, 1921, стр. 19—80. — См. также: Тург АН. Сочинения, т. II, стр. 588—597.
- ²⁸ ЛБ, М., 8421/30. Письмо датировано «22 генваря 1849 года». Однако из текста ясно («пост сменил шумную масленицу», «солнце начинает светить и греть по-весеннему»), что это описка и правильная дата — 22 февраля.
- ²⁹ А. Щепкина. Михаил Семенович Щепкин. В семье и на сцене. — «Русский архив», 1889, № 4, стр. 538.
- ³⁰ ЦГАОР ф. 279-И (Якушкиных), оп. 1, ед. хр. 1060, л. 5.
- ³¹ «П. В. Анненков и его друзья». СПб., 1892, стр. 557.
- ³² ЛБ, М., 8421/34.
- ³³ ГИМ, ф. 351, ед. хр. 92, л. 132 об.
- ³⁴ Письмо к Краевскому от 30 мая/11 июня 1849 г. См. также отзыв Боткина в письме к Краевскому от 15 июня 1849 г.: «Кажется, она <комедия „Холостяк“.> Т. Г. может быть напечатана, потому что скромнее ее трудно представить себе что-нибудь. Далеко уступает она „Нахлебнику“. Заметно, что автор главное имел в виду то, чтоб театральная цензура пропустила ее» (Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893, прилож., стр. 100).
- ³⁵ «Петрашевцы». М., 1907, стр. 39.
- ³⁶ «Дело петрашевцев», т. III. М. — Л., 1951, стр. 288.
- ³⁷ ЛБ, 2754/II, л. 90.
- ³⁸ Некрасов, т. X, стр. 132.
- ³⁹ ГИМ ф. 276, ед. хр. 33, л. 57 об.
- ⁴⁰ «Список пьесам, запрещенным к представлению на императорских театрах». — ЦГАЛИ, ф. 659, оп. 4, ед. хр. 31, л. 6.
- ⁴¹ Стас., т. III, стр. 482.

- ⁴² А. А. Стахович. Ключки воспоминаний, стр. 52.
- ⁴³ Перелиска Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III. СПб., 1896, стр. 486—487.
- ⁴⁴ «Северная пчела», 1849, № 228, 14 октября.
- ⁴⁵ В окончательной редакции — Белова.
- ⁴⁶ В окончательной редакции — фон Фовк.
- ⁴⁷ Р. З(отов). Театральная хроника. — «Северная пчела», 1849, № 231, 24 октября.
- ⁴⁸ «Письма иногороднего подписчика в редакцию „Современника“ о новой русской журналистике. — «Современник», 1849, № 10, отд. Смесь, стр. 288—293.
- ⁴⁹ В л. ч. <В. В. Чуйко> Театральная хроника. Русский и французский театр с 15 сентября по 15 октября. — «Отечественные записки», 1849, № 11, отд. Смесь, стр. 157—159. См. также: В. П. Театральная хроника. — «Санктпетербургские ведомости», 1849, № 246, 3 ноября.
- ⁵⁰ Ф. К о н и г. Русский театр в Петербурге. — «Пантеон», 1850, кн. 1, отд. Театральная летопись, стр. 26.
- ⁵¹ «Театральные новости. Октябрь 1849. 1) *Холостяк*, комедия в трех действиях, Ив. Тургенева. — «Современник», 1849, № 11, отд. Смесь, стр. 138—142. Статья напечатана без подписи. О принадлежности ее Некрасову см.: Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, М., 1950, стр. 790.
- ⁵² Ср. с письмом Некрасова к Тургеневу от 8 ноября 1849 г. — Некрасов, т. X, стр. 134.
- ⁵³ «Северная пчела», 1849, № 230, 233, 242, 17, 20 и 31 октября.
- ⁵⁴ См., например, примечания Г. П. Бердникова к «Завтраку у предводителя». — «Тургенев и театр». М., 1953, стр. 596, а также комментарии Г. Э. Водневой к этой же комедии — IX, 572.
- ⁵⁵ В. А. М а с л и х. Монтировка первых постановок пьес И. С. Тургенева на сцене Малого театра. — «Театральное наследство». М., «Искусство», 1956, стр. 307—308.
- ⁵⁶ «Московские ведомости», 1849, № 140, 22 ноября.
- ⁵⁷ О московской постановке «Завтрака у предводителя» лишь вскользь упоминалось в «Современнике», 1850, № 3, отд. Современные заметки, стр. 125. См. также «Отечественные записки», 1850, № 1, отд. VIII, стр. 85.
- ⁵⁸ «Московские ведомости», 1849, № 142, 26 ноября.
- ⁵⁹ «Ведомости московской городской полиции», 1849, № 285, 31 декабря.
- ⁶⁰ Там же, 1857, № 5, 7 января.
- ⁶¹ «Бенефис М. С. Щепкина». — «Московские ведомости», 1850, № 9, 21 января; «Московский отголосок». — «Пантеон», 1850, февраль, отд. «Калейдоскоп», стр. 2—3.
- ⁶² А. А л ь т ш у л ь е р. Александр Евстафьевич Мартынов. Л. — М., «Искусство», 1959, стр. 106.
- ⁶³ ГИМ, ф. 351, ед. хр. 92, л. 139 об.
- ⁶⁴ «Московский театр». — «Современник», 1850, № 3, отд. «Совр. заметки», стр. 125.
- ⁶⁵ «Ведомости московской городской полиции», 1850, № 29, 6 февраля.
- ⁶⁶ «Театральная летопись». — «Воронежские губернские ведомости», часть неофициальная, 1850, № 20, 20 мая.
- ⁶⁷ Там же, 1850, № 22, 3 июня.
- ⁶⁸ «Одесский вестник», 1850, № 61, 2 августа.
- ⁶⁹ Письмо к П. Виардо от 5/17 декабря 1850 г.
- ⁷⁰ «Ведомости московской городской полиции», 1850, № 268, 5 декабря.
- ⁷¹ «Ведомости московской городской полиции», 1851, № 11, 15 января; см. также: «Несколько слов о бенефисе М. С. Щепкина». — Там же, № 12, 16 января; «Московские ведомости», 1851, № 8, 18 января. Монтировка комедии была представлена в контору московских театров 11 января («Театральное наследство». М., 1956, стр. 340).
- ⁷² «Ведомости московской городской полиции», 1851, № 18, 23 января.
- ⁷³ «Московские ведомости», 1851, № 20, 15 февраля; «Ведомости московской городской полиции», 1851, № 85, 18 апреля.
- ⁷⁴ А. Г р и г о р ь е в. Летопись Московского театра. — «Москвитянин», 1851, № 13, кн. 1, отд. Современные известия, стр. 56.
- ⁷⁵ «Московские ведомости», 1851, № 53, 3 мая.
- ⁷⁶ «Представление г-жи Самойловой 15 мая». — «Ведомости московской городской полиции», 1851, № 126, 9 июня.
- ⁷⁷ «Московский театр». — «Вед. моск. гор. полиции», 1851, № 221, 11 октября.
- ⁷⁸ Дата посещения указана самим Тургеневым в его воспоминаниях. В этот день Тургенев приехал в Москву из Спасского — см. его письмо к И. Ф. Миничкову от 31 октября/12 ноября 1851 г.
- ⁷⁹ Н. С о к о л о в. Заметки о М. С. Щепкине. (Выдержки из дневника). — «Библиотека для чтения», 1864, август, стр. 5—6. — Автор встретился с Щепкиным 10 июля 1856 г. и с его слов записал рассказ о встрече Тургенева с Гоголем. Внук актера, М. А. Щепкин, слегка отредактировав запись Соколова, включил ее в свои «Воспоминания о М. С. Щепкине» («Исторический вестник», 1900, № 8, стр. 446).
- ⁸⁰ «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. I. М. — Л., 1936, стр. 147.
- ⁸¹ ЦГАОР, ф. 279-И, оп. 1, ед. хр. 1060, лл. 295 об. — 296.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«М. С. Щепкин и Тургенев» — последняя работа Теодора Соломоновича Грица, предназначавшаяся для «Литературного наследства» и оставшаяся не вполне законченной. Рукопись подготовлена к печати вдовой исследователя С. А. Семеновой-Гриц. Наряду с ранее опубликованными статьями («К истории „Сороки-воровки“», «Щепкин о пьесах Гоголя», «Воспоминания слуги Щепкина»), статья «Щепкин и Тургенев» связана с той огромной работой по критическому анализу и систематизации наследия основоположника русского сценического реализма, которой Т. С. Гриц отдал последние десять лет жизни. В его монументальной «Летописи жизни и творчества М. С. Щепкина»¹ с необычайной полнотой зафиксированы выступления великого актера и даны отзывы и воспоминания современников.

«Летопись» дает яркую картину творческой и общественной деятельности Щепкина, этого неустанного искателя сценической правды и яростного противника крепостного права, горячо откликавшегося на каждое значительное явление в жизни и в искусстве. Особое внимание автором «Летописи» уделено взаимоотношениям Щепкина с декабристами, Пушкиным, Гоголем, Шевченко, Некрасовым, Белинским, Грановским, Герценом, Тургеневым.

Научная ценность труда Т. С. Грица раскрывается в полной мере, если мы сопоставим с нею общеизвестные справочные источники, наложившие определенный отпечаток на все исследования о Щепкине. Приведу только один пример. В «подробном» перечне щепкинского репертуара, опубликованном в «Трудах Гос. Театрального музея им. А. Бахрушина» (1941) пропущено свыше двухсот пьес, в которых выступал Щепкин. Этот поистине чудовищный пробел впервые заполнен в «Летописи» Т. С. Грица. Автор «Летописи» также установил, что тексты многих писем Щепкина, напечатанных в двух дореволюционных изданиях (1864 г. и 1914 г.), искажены большими купюрами и грубыми ошибками. К сожалению, все эти дефекты повторены в сборнике «М. С. Щепкин» (изд-во «Искусство», М., 1952), составители которого не сочли нужным произвести сверку старых публикаций с сохранившимися автографами. Этот сборник был подвергнут Т. С. Грицем суровой, но справедливой критике в рецензии, помещенной в «Новом мире» (1953, № 2).

Тщательно документированная книга Т. С. Грица имеет значение научного первоисточника. Поэтому она открывает путь для углубленного анализа сценической системы Щепкина и объективного изучения его творческого развития.

Тема настоящей статьи Т. С. Грица — участие Щепкина в утверждении драматургии Тургенева.

Среди материалов, которые Т. С. Гриц не успел использовать в своей статье, мы находим ряд интереснейших неизвестных сведений, завершающих цензурную историю постановки пьесы «Нахлебник». Уже в начале нового царствования, в 1856 г., Щепкин возобновил попытку добиться цензурного разрешения. По просьбе Щепкина, пьеса к его бенефису была представлена в театральную цензуру Анненковым². Несмотря на то, что Анненков изменил заглавие пьесы («Даровой хлеб»), эта попытка также не увенчалась успехом.

Т. С. Гриц обнаружил в дневнике А. Н. Афанасьева следующую запись, датированную 1 января 1857 г.: «Цензура поворачивает, кажется, на старую колею; Щепкину не позволили дать в свой бенефис „Нахлебника“; находят, что в этой пьесе осмелию благородное российское дворянство! Дурно, что цензура прядируется, но я не шутя рад, что не увижу „Нахлебника“ на сцене: в интриге ее видна искусственность, а в развитии действия автору не хватило ни сценического знания, ни таланта...»³. Разрешение на постановку не было получено и по напечатании пьесы в «Современнике» (1857, № 3).

Только через тринадцать лет после написания пьесы, в конце 1861 г., цензурное запрещение было, наконец, снято. 28 января 1862 г. в «Московских ведомостях» была напечатана заметка Д. С. «Театральные новости» — о предстоящем бенефисе Щепкина: «Капитальной пьесой этого бенефиса будет комедия г. Тургенева, „Нахлебник“, до сих пор, по неизвестным причинам, не дававшаяся на сцене. Это произведение даровитого

«МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ» НА СЦЕНЕ
МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТ-
ВЕННОГО ТЕАТРА, 1909

Эскиз костюма Верочки. Акварель
М. В. Добужинского

Музей И. С. Тургенева, Орел

романиста отличается несомненными достоинствами, и литературными, и сценическими. В ней наш бенефициант исполняет роль самого „нахлебника“, в которой так много теплоты и правды, составляющих особенность неувиданного таланта г-на Щепкина... Кроме самого бенефицианта, в „Нахлебнике“ примут участие лучшие артисты нашей сцены, и при такой обстановке комедии г-на Тургенева можно, конечно, предсказать самый блестящий успех...».

Бенефис Щепкина состоялся 30 января 1862 г. в Большом театре. Кроме Щепкина, в пьесе Тургенева играли И. В. Самарин (Елецкий), Н. М. Медведева (Елецкая), С. В. Шумский (Тропачев), П. М. Садовский (Иванов) ⁴.

А. Н. Баженов, подобно Афанасьеву, отрицательно относившийся к «сценически слабой» драматургии Тургенева, дал подробный отзыв об игре Щепкина: «...г-н Щепкин прекрасным исполнением своей роли в первом действии не оставлял желать ничего лучшего. С каким умением и достоинством воспользовался он всеми разнообразными положениями и переливами своей роли в первом действии. Сколько откровенной, бесхитростной радости, сколько самой нежной, именно отеческой любви показал он в старческом сердце Кузовкина при встрече приехавшей Ольги Петровны! Как цельно и с какою естественною прямою отдавался он ласкающей его надежде, во время рассказа об иске, который ведет он за какое-то поместье! С какою правдой и постепенностью перешел он в экзальтированное состояние опьянения, именно старческого опьянения! Какими, наконец, искренними, невольными слезами заплакал он под шутовским колпаком! Это была не простая слезливость, а горячее, истинное чувство. К сожалению, нельзя сказать того же об игре г-на Щепкина во втором действии, где он был уже много холоднее и однообразнее, чему, конечно, помогала и самая роль, не столько интересная во второй ее половине...» ⁵.

Вторично в роли Кузовкина Щепкин выступил 1 февраля — на сцене Малого театра ⁶. На той же сцене спектакль был повторен 9, 15 и 17 февраля ⁷. Последний спектакль с участием Щепкина в роли «нахлебника» состоялся 30 октября ⁸.

В заключение приведу отрывок из письма Тургенева к Анненкову, вошедшего в «Летопись жизни и творчества М. С. Щепкина» Т. С. Грица.

Как известно, в марте 1853 г. Щепкин посетил Тургенева в Спасском-Лутовинове. Гость прочел хозяину комедию Островского «Не в свои сани не садись», которая произвела на Тургенева «большое впечатление». В свою очередь, Тургенев прочел Щепкину свой роман «Два поколения». Об этом Тургенев упоминает в письме к Анненкову от 14—15 марта 1853 г. Письмо Тургенева к тому же адресату, датированное 25 мая, содержит в себе более подробные сведения: «Роман мой будет состоять из трех частей. Щепкину особенно понравились главы 9-ая и 10-ая — последних двух он не слышал. Он мне дал полезные советы, которыми я воспользовался...». Это письмо — один из самых красноречивых документов, свидетельствующих о творческой близости Тургенева с Щепкиным.

Н. Х а р д ж и е в

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Летопись жизни и творчества М. С. Щепкина» вышла в свет в издательстве «Наука», 1966.

² Письмо П. В. Анненкова к Тургеневу от 29 декабря <1856 г.>. — Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. III. М., 1934, стр. 63.

³ Дневник А. Н. Афанасьева. — ЦГАОР, ф. 279-И (Якушкиных), оп. 1, ед. хр. 1060. Этот дневник был впервые обнаружен Т. С. Грицем.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 659, оп. 4, т. V, ед. хр. 4, л. 501 (афиша); «Московские ведомости», 1862, № 23, 30 января.

⁵ А. Б а ж е н о в. Заметки о московском театре. — «Московские ведомости», 1862, № 33, 11 февраля.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 659, оп. 4, т. V, ед. хр. 4, л. 504 (афиша); «Московские ведомости», 1862, № 25, 1 февраля.

⁷ Там же, лл. 523, 540 (афиша); «Московские ведомости», 1862, № 36 и 37, 15 и 16 февраля.

⁸ Там же, ед. хр. 5, л. 338 (афиша).